Дмитрий А. Мазоренко

Независимый исследователь, Алматы, Казахстан
ORCID: 0000-0001-5129-6014

Своевременность позднего капитализма: почему постмодернизм остается главным языком описания нашей эпохи?

doi: 10.22394/2074-0492-2021-1-11-38

Резюме:
В статье предпринята попытка восстановить позиции темпоральной концепции постмодернизма, описывающей нашу эпоху как капиталистическую. В конце XX столетия постмодернизм (в версии философа Фредрика Джеймисона) был не только ведущим языком описания социокультурной ситуации «вечного настоящего», но также и состояния «позднего капитализма» (Эрнест Мандель), характеризующего нашу эру с социально-экономической точки зрения. Однако в начале 2000-х годов социальные теоретики и философы стали заявлять об исчерпании эвристического потенциала постмодерна как теории, объясняющей наше время. Вместе с тем под сомнение была поставлена практика осмысления современности через оптику капитализма, поскольку она ограничена только экономическими коннотациями. Но часть ученых продолжила делать капитализм ядром своих исследований современности. В результате появилось множество альтернативных постмодерну социальных теорий капитализма: глобализация, гипермодернизм, коммуникативный капитализм, метамодернизм, посткапитализм, надзорный капитализм, клевый капитализм, капиталоцен и многие другие. Автор подвергает сомнению утрату объяснительной силы постмодерна. В пользу актуальности постмодерна говорит как возврат Джеймисона к этой темпоральной категории, так и неспособность со-

Мазоренко Дмитрий Алексеевич — независимый исследователь, Алматы, Казахстан. Научные интересы: социальная теория, культурные исследования, политическая теория. E-mail: d.mazorenko@gmail.com

циальных теоретиков капитализма сойти с теоретического фундамента Джеймисона. Что касается альтернативных способов дескрипции капитализма, то они, скорее, подтверждают релевантность разработки Джеймисона, чем противопоставляют себя ей. Среди рассмотренных автором современных подходов к темпорализации капитализма есть только две концепции, которые говорят о вступлении этой общественной формации в четвертую фазу. Но одна из них — «капиталоцен» — фиксирует приближение новой стадии развития, тогда как другая — «метамодернизм» — не может аргументировать, с чем связан очередной сдвиг. Это позволяет утверждать, что постмодернизм/поздний капитализм остается операциональной теоретической рамкой для анализа нынешнего капитализма и современности как таковой. А новые темпоральные схемы капитализма лишь расширяют и усиливают его категориальный аппарат.

Ключевые слова: социальная теория, темпоральность капитализма, поздний капитализм, постмодерн, капитализм после постмодерна, социальные теории капитализма

Dmitriy A. Mazorenko[1]

Independent researcher, Almaty, Kazakhstan

Just-in-time Late Capitalism: Why Does Postmodernism Still Remain a Sociocultural Dominant of Our Time?

Abstract:

The article attempts to recover the position of the temporal concept of postmodernism that describes our epoch as capitalist. At the end of the 20th century, postmodernism (in Fredric Jameson's interpretation) was not only the leading way to comprehend the social and cultural tendencies of the 'eternal present', but also a condition of 'late capitalism' (as per Ernest Mandel), characterizing our era from the socio-economical standpoint. However, at the beginning of the new millennium, philosophers and social theorists started to assert the exhaustion of postmodernism's heuristic potential as a theory meant to describe our time. Along with that, doubt was cast on all the attempts to understand modernity through the lens of capitalism. However, there was a group of scientists who continued to treat capitalism as a core aspect of modernity. As a result, many other social theories of capitalism, the alternative to postmodernism, have emerged: globalization, hypermodernism, communicative capitalism, metamodernism, postcapitalism, supervisory capitalism, cool capitalism, the capitalocene, and many more. The following analysis challenges the assertion that postmodernism has lost its explicative capacities. There are two pieces of evidence for the applicability of postmodernism. The first is that Jameson

1 Dmitriy A. Mazorenko — independent researcher. He focuses on social theory, cultural studies, and political theory. Almaty, Kazakhstan. E-mail: d.mazorenko@gmail.com

himself turned back to elaborating this temporal category, and the second is that other social theoreticians couldn't overcome Jameson's theoretical basis. All these opposite temporal perspectives on capitalism, as we found it, enhance the relevance of postmodernism, rather than refute this concept. Among all the contemporary approaches to the temporalization of capitalism covered by the author, there are only two concepts that speak of this social formation entering the fourth phase. But capitalocene — being one of them — supposes that the fourth stage has not yet begun, while metamodernism has nothing to suggest regarding the reasons for the epochal shift. This allows us to declare that postmodernism/late capitalism is still a viable scheme for the temporal comprehension of the state of current capitalism and modernity per se, while the new temporal schemes of capitalism are only expanding and reinforcing the terminological apparatus of postmodernism/late capitalism

Keywords: social theory, temporality of capitalism, late capitalism, postmodernism, capitalism after postmodernism, social theories of capitalism

Введение

К концу XX века многие социальные теоретики перестали считать капитализм доминантной силой общественных преобразований [Павлов 2018]. Социолог Йоран Терборн [2021: 173] критиковал сведение анализа современности к истории капитализма за то, что она не позволяет выявить все разнообразие семантических сдвигов и, в частности, уловить динамику культуры. По этой причине Терборн примкнул к числу теоретиков, которые работают с темпоральной категорией современности/модерна, не ограничивающейся экономическими коннотациями. В качестве альтернативы социальным теориям капитализма Ульрих Бек [2004] предложил концепцию «другого модерна», Зигмунт Бауман [2008] — проект «текучей современности», Джеффри Александер [2013] — идею «неомодернизма» и т.д.

В свою очередь ученые, продолжившие представлять нашу эпоху как капиталистическую, сформулировали концепции «постмодернизма как культурной логики позднего капитализма» [Джеймисон 2019], «дезорганизованного капитализма» [Lash, Urry 1987], «гибкого накопления капитала» [Harvey 1989] и т.п. Эти объяснительные матрицы как раз фиксировали слияние экономики и культуры, начавшееся в 1970-х годах, которое привело к коммодификации всех сфер социальной жизни. Симбиоз двух измерений создал иной образ повседневности: он категорически отличался от бытового уклада модерна с характерными для него государственным регулированием экономики, социально ориентированной политикой и интенсивным научно-техническим прогрессом. Наблюдая за процессами глобализации, информатизации и перестройки сферы производ-

ства, опосредованными феноменами культуры, ученые обобщили свои наблюдения в идее «постмодерна». Чаще всего к этому понятию апеллируют ведущие исследователи социокультурных тенденций капитализма того периода.

Первенство в содержательном наполнении термина «постмодерн» историк Перри Андерсон [2011: 86] присудил философу Фредрику Джеймисону, продолжившему анализ позднего капитализма, некогда начатый экономистом Эрнестом Манделем. По мнению Андерсона, именно Джеймисону удалось создать наиболее адекватный слепок эпохи, соединив в нем все значимые социально-политические, культурные и экономические тенденции настоящего. Однако к началу XXI столетия исследователи стали заявлять об исчерпании потенциала постмодерна как социальной теории капитализма [Hutcheon 2002: 165, 166; McHale 2015: 175, 176]. Термин оказался не в силах ухватить те перемены, которые происходят в нашем мире под действием глобализации и цифровых технологий [Hutcheon 2007: 16-18]. Это утверждение подкреплялось тем, что после каждого крупного исторического события — распада СССР, теракта 11 сентября 2001 г. и мирового финансового кризиса 2008 г. — ученые говорили о вероятном начале следующей, четвертой реконфигурации капитализма [Flisfeder 2017: 158].

С началом второго тысячелетия в социальной теории стали появляться новые концепции, из которых могут быть выведены актуальные темпорализации капитализма: глобализация [Хардт, Негри 2004; Арриги 2006]; гипермодернизм [Lipovetsky 2005]; коммуникативный капитализм [Dean 2005]; капитализм катастроф [Кляйн 2007]; клевый капитализм [McGuigan 2009]; капиталистический реализм [Фишер 2010]; постпостмодернизм [Nealon 2012]; капитализм 24/7 [Crary 2013], акселерационизм [Срничек, Уильямс 2018]; посткапитализм [Мейсон 2015]; метамодернизм [Вермюлен, ван ден Аккер, Гиббонс 2020], капиталоцен [Moore 2016]; надзорный капитализм [Zuboff 2019]; контркультурная логика неолиберализма [Hankock 2019] и множество других.

Разумно предположить, что каждая из этих описательных категорий состоит в определенных отношениях с постмодернизмом Джеймисона, т.е. отвергает или подтверждает его релевантность. Однако исследования темпоральных режимов капитализма пока не оформились в полноценное социально-теоретическое направление. Это затрудняет наше понимание важности разработки Джеймисона и ее значения как для периодизации капитализма, так и для изучения современности через капиталистическую оптику. Более того, тематическое разветвление исследований капитализма подталкивает нас к выводу, что он уже не может восприниматься как целостный феномен.

Сегодня мы располагаем достаточным материалом, чтобы считать капитализм целостной и все еще продуктивной основой для объяснения нашей эпохи. Вместе с тем этот материал позволяет отследить, насколько правомерными оказались доводы ряда теоретиков о наступлении четвертой стадии капитализма. Для решения обеих задач необходимо разобраться с тем, насколько темпоральная рамка Джеймисона позволяет схватить структурные черты актуального капитализма. Статья не нацелена на то, чтобы проблематизировать стадийный подход философа к анализу капитализма и выдвинуть аргументы в его пользу. Я также не буду разбирать в ней концептуализации первых двух стадий развития капитализма, созданные Джеймисоном и другими авторами. Вместо этого мы попытаемся прояснить, почему современное общество и хозяйственную систему по-прежнему стоит описывать с помощью концепции позднего капитализма, как его понимает Джеймисон, и почему актуальные социальные теории капитализма не предлагают новой парадигмы, а повышают точность интерпретативной схемы философа.

Вслед за философом Александром Павловым [2019], который ранее проделал схожую работу в контексте проблематики социокультурной темпоральности, я собираюсь доказать, что часть недавно появившихся социальных теорий капитализма сохранила методологическую и понятийную связь с темпоральным проектом Джеймисона. Это позволяет утверждать, что новые теории не преодолевают постмодерн, т.е. не предлагают принципиально новых способов рефлексии нашей капиталистической эпохи. И потому я намечу то, каким образом новые концептуализации капитализма могут быть интегрированы в расширенную версию постмодернизма.

Термин «темпоральность» в этом тексте будет означать эпоху. Чтобы обосновать свою позицию, я, во-первых, покажу, что дает нам право говорить о капитализме как об эпохе. Наряду с этим я пунктирно обозначу ранние попытки темпорализации капитализма, чтобы представить темпоральный анализ как целостную и последовательную стратегию, а также обозначить отправные теоретические пункты для постмодернизма Джеймисона. Во-вторых, я раскрою главные черты позднего капитализма Джеймисона и уточню, как именно философ модифицировал это понятие после Манделя. Следом я поясню, почему темпоральная рамка Джеймисона содержала наиболее валидную дескрипцию капитализма и современности в сравнении с самыми известными подходами своего времени, а также укажу на ее фундаментальный изъян. В-третьих, мне потребуется объяснить, почему с провозглашением конца постмодерна Джеймисон не бросил этот темпоральный проект, хотя и занялся разработкой теории глобализации. Это поможет нам проложить путь к концепциям, напрямую продол-

жающим исследование Джеймисона. В-четвертых, я обращусь к темпоральным схемам, которые, на первый взгляд, противопоставляют себя позднему капитализму в интерпретации Джеймисона. Но реконструкция их опорных идей поможет нам удостовериться в том, что они не выявляют признаков новой эпохи, а воспроизводят и усиливают положения Джеймисона, адаптируя их к сегодняшнему дню.

Перед нами не стоит задача охватить все социальные теории капитализма. Нам важно показать, что большинство из них вписывается в логику постмодерна, образуя единый подход к анализу нашей эпохи как капиталистической, а также достраивает терминологическую и фактологическую сетку позднего капитализма. Тем самым мы сможем получить целостный и более точный подход к изучению нашего исторического состояния. По этой причине объяснительные матрицы капитализма будут отобраны исходя из принципа всеохватности самого Джеймисона, т.е. внимания к как можно большему числу граней общественной жизни или же фокусировки на каком-либо уникальном срезе повседневности. Темпоральным фундаментом станет для нас усовершенствованная Джеймисоном триадичная схема капитализма, отражающая три поворота в его становлении: рыночный, монопольный и мультинациональный.

Начало темпоральных исследований капитализма

Что позволяет нам воспринимать капитализм как эпоху? Социолог Иммануил Валлерстайн [2006: 85] утверждал, что с наступлением модерна в XVI в. капитализм начал играть основополагающую роль в нашей «миросистеме», задавая тон всем последующим социальным трансформациям. Именно с ним ученый связывает появление всех основных социокультурных черт настоящего: от разделения планеты на ядро, полупериферию и периферию из-за вывода промышленных производств за рубеж, до универсалистских ценностей вроде равенства и свободы, вскоре потесненных гендерными, расовыми и этническими антагонизмами. Солидаризуясь с установкой о господстве капиталистических отношений над жизнью общества, Джеймисон считает оправданным мыслить капитализм в качестве самой современности [Jameson 2002: 13]. Это так, поскольку изменение способа производства реорганизует не только повседневность, но и культуру, ставшую субстратом жизненного мира людей [Джеймисон 2019: 138].

Как и многие другие теоретики, социолог Энтони Гидденс [2011: 122] возводит истоки аналитической стратегии, в которой капитализм является основной преобразующей силой современности, к трудам Маркса. В «Капитале», написанном в 1867 г., философ еще

не употребляет термин «капитализм», но стремится изучить общество своего времени через экономическое измерение. Только так, по его мнению, можно вывести структуру, механизмы функционирования и метаморфозы социальной жизни [Арон 1993: 152]. Одну из наиболее полных и конвенциональных дескрипций первой фазы капитализма мы можем найти в книгах историка Эрика Хобсбаума [1999]. В них ученый акцентирует внимание на энергии пара, угля и железа, которая при посредстве машин массового производства и мер по либерализации экономики заложила фундамент наблюдаемой нами социальной действительности.

За пределами исследований Маркса тем не менее осталась динамика последующего развития капитализма и его социокультурных импликаций. Отслеживать дальнейшие повороты в становлении капитализма взялись последователи философа. В конце XIX в. капитализм вступил во вторую, империалистическую фазу развития. Владимир Ленин [1969] охарактеризовал ее как эру финансового капитала, когда на смену промышленным трестам в качестве главных агентов западного капитализма пришли банки, подчинившие себе крупные доли других национальных экономик.

Разветвление финансовой системы по всему земному шару как раз и создало контуры интересующего нас позднего капитализма. Впервые этот термин упоминается в исследованиях социолога Вернера Зомбарта. Но несмотря на то что ученый задействует категорию позднего капитализма в своем подходе к периодизации эпох, он не вкладывает в нее конкретных характеристик. Зомбарт использует это понятие как составную часть «хозяйственной эпохи» — темпоральной категории, фиксирующей осуществление того или иного способа производства в истории. Поздним в ней обозначается тот промежуток времени, при котором возникающий способ производства начинает постепенно вытеснять устоявшийся [Зомбарт 2005: 85, 86].

Социологической же категорией поздний капитализм становится в трудах левого мыслителя Теодора Адорно. С помощью нее философ пытался запечатлеть олицетворявшие его время феномены экономической концентрации и политической централизации, которые сопровождались гомогенизацией сознания людей при помощи различных технологий [Adorno 1968]. Поздний капитализм казался Адорно адекватным способом выражения исторической ситуации, когда иррациональный настрой общества ставил крест на любых стараниях осмыслить его через аппарат классической политэкономии, равно как и любой другой рационализирующей оптики. Иначе говоря, свою версию позднего капитализма философ полностью отделил от ранних марксистских стремлений темпорализовать эту общественную формацию.

С отходом от политэкономии был не согласен экономист Эрнест Мандель [Mandel 1976]. Свою версию позднего капитализма он считал дополнением к изысканиям Маркса и Ленина. Манделя смущало лишь то, что Маркс пытался описать капитализм своего времени с точки зрения самого капитала, рассматривая феномены конкуренции, наемного труда и собственности. Тогда как сам экономист счел необходимым раскрыть его через борьбу между капиталом и трудом, оценку роли буржуазного государства и его идеологии, а также фиксацию структуры мировой торговли и преобладающих форм генерации прибыли [Ibid.: 9]. Что касается Ленина, то Мандель исходил из его предпосылки о том, что империализм является периодом интенсивного разложения капиталистического способа производства.

Новым для третьей фазы капитализма в интерпретации Манделя, начавшейся с окончанием Второй мировой войны, было лишь расширение поля конкуренции действующих империй. К тому моменту противостоять друг другу стали уже три режима: американский, японский и западноевропейский, которые серьезно упрочили свои монополии. Но уже это показалось Манделю достаточным, чтобы констатировать интенсификацию капитализма, выделив ее особым термином. Ядром же позднего капитализма стало сочетание инновационных средств производства с выпуском товаров широкого потребления, усовершенствование которых ускорилось благодаря включению исследовательских и опытно-конструкторских подразделений в структуру промышленных концернов. Однако вместо того чтобы ускорить развитие технологий и переориентировать их на освобождение людей, поздний капитализм — при активной помощи государства — превратил их в инструменты разрушения путем постоянного наращивания вооружений, обострения проблемы голода в колониях, нарушения климатического равновесия и загрязнения окружающей среды. Наряду с этим он породил новые угрозы физической безопасности, обещая массам хроническую безработицу и всевозможные виды обнищания [Ibid. : 214, 215].

Постмодерн как доминирующий способ темпорализации капитализма

Вопреки стремлению Манделя всесторонне охватить капитализм за пределами его внимания осталась культура. Разбирая идеологию позднего капитализма, ученый сузил ее лишь до технократической риторики решения общественных проблем. Но дело в том, что во второй половине XX в. повседневность начинали все глубже пронизывать символические структуры информации и речи.

Из-за этого сфера производства уже не могла восприниматься как что-то независимое от культуры. Отталкиваясь от этой проблемы, философ Фредрик Джеймисон [2019] взялся дорабатывать темпоральный проект Манделя, встроив его в свою концепцию постмодернизма.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу различных социальных теорий капитализма, необходимо суммировать то, как Джеймисон понимает «поздний капитализм». Это важно сделать прежде всего потому, что концепция Джеймисона все еще не так хорошо известна в российской академии [Павлов 2019: 11-16]. Но и не только поэтому: несмотря на прочную сцепку постмодернизма с капитализмом, задачу раскрытия экономической грани своего нарратива Джеймисон почти полностью делегировал труду Манделя, взяв лишь небольшие фрагменты наблюдений из его книги. В результате мы не можем увидеть объемной картины всех взаимовлияний культуры и экономики.

Итак, главный тезис философа состоял в том, что усложнение сферы товарного производства сделало культуру полноценным экономическим продуктом. В то же время сами товары, благодаря различным маркетинговым практикам, приобрели эстетическое выражение — их функциональность отошла на задний план. Этот симбиоз запустил процесс коммодификации социальной жизни, наделив каждый ее элемент товарно-эстетическими свойствами. Он же положил конец и разграничению культуры на высокую и низкую, в результате чего та утратила автономию от рыночных отношений, начав измерять свою ценность сугубо экономическими показателями. В сочетании с технологиями взаимодействие культуры и экономики породило феномен потребления самого процесса потребления. Ярче всего он проявляется в наслаждении от самой возможности использования компьютера и телевизора — главных медиумов постмодерна.

Движущей силой этих изменений Джеймисон назвал поздний капитализм, что позволило ему отождествить этот термин с постмодерном. Философ фиксирует начало третьей, мультинациональной стадии капитализма на рубеже 1973-1975-х годов, хотя — как мы уже поняли из анализа Манделя — ее первые очертания проявились в послевоенные годы. Ключевыми событиями новой эпохи Джеймисон определил усиление транснациональных корпораций и международного разделения труда, что расширило поле деятельности финансового сектора и позволило корпоративным гигантам начать резкий демонтаж системы социальных гарантий (как государственных, так и трудовых). Все это сочеталось с активными процессами автоматизации, компьютеризации и изобретением новых медийных форм, что в совокупности разрушило относи-

тельно безмятежную повседневность западных стран, резко перестроив интенсивность бизнес-циклов, модальность деловых отношений и баланс сил в международной политике [Джеймисон 2019: 75, 76].

С падением индустриального порядка и многих социальных табу стали исчезать привычные типы идентичности — человек постмодерна оказался децентрирован. Он уже не обладал целостной субъективностью, а был вынужден иметь множество ипостасей: гендерную, политическую, потребительскую и ряд других. Большей целостностью обладала только страта яппи — специалистов расцветающей индустрии услуг, особенно ее финансовых и маркетинговых сегментов. Именно они, запуская специфические продукты, создавали новые типы идентичностей для масс. Потребление, ставшее основой их жизнедеятельности, отвлекло их от борьбы за лучшее существование и остановило ход самой истории. Прерывание последней привело к ностальгической стилизации всех новых предметов культуры под старые, что Джеймисон выразил в понятиях «вечного настоящего» и «пастиша». Жизнь людей в период постмодерна стала судорожной и хаотичной, подверженной внезапным перепадам настроения и чем-то напоминающей «шизофреническую расщепленность».

Как пишет историк Перри Андерсон, тезис Джеймисона о смыкании экономики и культуры помог преодолеть эпистемический разрыв на базис и надстройку, артикулированный теоретиками Франкфуртской школы. Кроме того, у философа получилось свести воедино эстетические, экономические и антропологические наработки прошлых поколений марксистов. Прежде левые не задумывались о том, чтобы составить из своих идей целостную рамку темпорального анализа, которая бы позволила охватить капитализм со всех сторон. Они сопротивлялись и тому, чтобы изучать эту общественную формацию через популярные и массовые тенденции, а не рассказывать о ней с отстраненной идеалистической позиции. Исходя из этого Андерсон признает Джеймисона не только центральным теоретиком постмодерна, но и автором наиболее удачной темпоральной проекции современного капитализма.

От Манделя философ полностью перенял структуру периодизации (разве что присвоив всем этапам собственные названия — рыночного, монопольного, мультинационального) и программный тезис своей концепции. Согласно нему, каждый поворот капитализма предопределялся технологической революцией, перекраивающей все области социальной действительности. Однако Джеймисон не ушел дальше беглого перечисления актуальных экономических процессов. А какие-то и вовсе проигнорировал,

например то, как ускорилось время оборота основного капитала и изменился способ организации труда. Без надежного экономического компонента Джеймисон фактически совершает ошибку своих предшественников, ограничивая анализ капитализма культурным измерением.

Восполнить недостающий компонент можно с помощью исследования социального теоретика Дэвида Харви [Harvey 1989]. До некоторой степени Харви продолжает проект Джеймисона, но не соглашается с его «прорисовкой» того, как пространственные категории капитала берут верх над временными. Для самого Харви этот феномен вызван переходом от фордистского способа производства к гибкому режиму накопления капитала. Последний как раз и задал направление всем последующим социокультурным преобразованиям. Сделав ставку на глобализацию и технологические инновации в связке с новыми системами менеджмента, транснациональные корпорации и финансовые конгломераты получили возможность облегчить «скелет» производств, рабочих процедур и рынков труда. Перевод промышленных предприятий за рубеж и появление опции доставки точно в срок не только радикально сократили производственные расходы, но и перекроили пространственно-временной порядок планеты. Эти процессы увеличили скорость обращения капитала и сократили период актуальности различных продуктов, особенно культурных.

По мнению Андерсона, наблюдения Харви плохо работают в рамках самостоятельной концепции, получившей название постфордизм. Историк был солидарен с замечаниями теоретика марксизма Алекса Каллиникоса [Callinicos 1990], которого смущала гиперболизация или откровенные фантазии Харви на тему резко возросшей сегментации рабочей силы и доминирования сектора услуг в структуре западных экономик. Эти явления находились в зачаточном состоянии, на что и намекал Джеймисон в своем схематическом анализе экономики. Главным же свидетельством смены эпохи, по мнению Андерсона [2011: 103], является политическое поражение левых, обернувшееся дисквалификацией модели социального государства. Оно как раз и стало основным рефреном постмодернизма Джеймисона. На этом основании мы можем приобщить выводы Харви к проекту Джеймисона.

Вслед за Джеймисоном свой анализ дезорганизованного капитализма предложили социальные теоретики Скотт Лэш и Джон Урри [Lash, Urry 1987]. Но культура оказалась в их концепции вторичной. Ученые видели ее выражение лишь в экономических практиках и образе жизни социальных групп — яппи и прекариата, что говорит, скорее, о социологическом характере их исследования, а не социокультурном, каким оно было у Джей-

мисона. Впрочем, относительное преимущество проекта Лэша и Урри заключалось в том, что они вывели типологию национальных видов капитализма в противовес Джеймисону, считавшему такое разделение ошибочным в силу американизации всего мира. Выпустив спустя семь лет книгу «Экономики знаков и пространства», Лэш и Урри [Lash, Urry 1994] несколько модифицировали свой подход, связав причину наступления эпохи гибкой специализации и постфордизма главным образом с информационной экономикой. Но вместе с тем они стали ориентироваться на установку Джеймисона о слиянии культуры и экономики [Ibid.: 64]. Назвав эту тенденцию постмодернизацией, Лэш и Урри констатировали, что основополагающим моментом повседневности стали операции создания и поглощения культурных продуктов, чья природа оказывается двоякой. С одной стороны, производство и консюмеризм подпитывают в людях эстетическую рефлексивность, но с другой — обостряют процесс индивидуации, делая каждого члена общества нормализованным атомом нишевого потребления. Все это тоже совпало с посылками Джеймисона, лишив теоретическое построение Лэша и Урри уникальности.

Вместе с Урри и Лэшем конкуренцию постмодернизму Джеймисона мог бы составить социолог Даниел Белл [Bell 1973], сформулировавший термин «постиндустриализм». Но на его несостоятельность указал еще Мандель [Mandel 1976: 191], отметив, что на момент утверждения этого понятия ведущие западные экономики только завершили программу индустриализации. Более того, социолог Джеффри Александер [2013: 560], отследив эволюционную динамику идей Белла, пришел к выводу об очень скором попадании постиндустриализма в концептуальные сети постмодерна. Решение проблемы саморазрушения западного общества, обострившейся с новым витком развития капитализма, виделось Беллу [Bell 1976] в возвращении к сакральному, что говорило о ностальгии по прошлому — одном из краеугольных признаков постсовременности для Джеймисона. Так постмодерн философа окончательно занял место лидирующего языка описания нынешней капиталистической эпохи.

Однако на заре нового тысячелетия исследователи стали оспаривать статус постмодерна как главной социальной теории капитализма, решив по итогу направить усилия на разработку других объяснительных матриц. Эффектный некролог ему составила литературовед Линда Хатчеон [Hutcheon 2002]. Она подчеркнула не только ограниченность политической и эстетической критики постмодерна, но и несовершенство его представлений о капитализме. Если последний, как полагает Хатчеон [Ibid.: 6-11; 109-111],

является для нас не более чем репрезентацией текущего состояния общества, т.е. социальным конструктом, допускающим пересборку, то тезис Джеймисона о невозможности вообразить конец капитализма оказывается безосновательным. В другой своей статье Хатчеон подчеркнула неспособность постмодерна в полной мере ухватить те изменения, которые проделывают с нашей планетой глобализация и информационные технологии. Она предположила, что эти переменные могут серьезно перестроить концептуальную рамку, с помощью которой мы объясняем социокультурные трансформации последнего времени [Hutcheon 2007: 16-18]. Поэтому ученая пригласила исследователей заняться поиском теоретического языка для описания новой эпохи, пришедшей на смену постмодерну.

Продолжая постмодерн: концепции-преемники Джеймисона

Джеймисон, как могло показаться, вскоре и сам отказался от своей темпоральной конструкции в пользу теории глобализации, о чем свидетельствовало название сборника его эссе о постмодерне «Культурный поворот» [Jameson 1998]. К началу 2000-х годов передовым способом описания капитализма успела стать теория глобализации. На тот момент ей удавалось запечатлеть охватившие планету разнонаправленные тенденции политической стагнации и технологического прогресса [Терборн 2011: 83], о нехватке которых применительно к постмодерну говорила Хатчеон. Однако Джеймисон и сам не остался в стороне от попыток теоретизировать глобализацию. Философ представил свой взгляд на этот феномен в статьях «Заметки о глобализации как философской проблеме» [Jameson 1998] и «Глобализация и политическая стратегия» [Jameson 2000]. Однако его тематический сдвиг не подразумевал разрыва с постмодерном: глобализация изначально имела крепкое родство с этим темпоральным режимом, и вместе они составляли целостный набросок в «когнитивной карте» современного капитализма [Wegner 2006: 268]. На это по меньшей мере указывает центральный тезис Джеймисона о соединении культуры и экономики, который в случае глобализации покрывает глазурью коммерции уже не только экспортные потоки, но и представителей других культур, редуцируя их до управляющих ресторанами национальной кухни.

Доказательством комплементарности постмодерна и глобализации может служить труд философов Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» [2004]. В нем было зафиксировано разрушение системы национального суверенитета, что способствовало утвер-

ждению децентрированного миропорядка, о зарождении которого Джеймисон рассуждал в своих статьях о глобализации. Большое значение в книге уделялось и информатизации экономики, случившейся благодаря широкому распространению компьютеров и коммуникационных сетей, на что в свою очередь Джеймисон намекал в статьях о постмодерне, но так и не решился подробно развить. Вдобавок ко всему в центр своей концепции Хардт и Негри поместили идеи коммодификации культуры, ностальгии, «вечного настоящего» и ряд других. Все это свидетельствовало о сохраняющейся актуальности постмодерна.

Выступая с лекцией в 2012 г., Джеймисон [Jameson 2012] и сам признал постмодерн все еще действующим теоретическим построением. Он предложил различать понятия постмодернизм (postmodernism) и постмодерн/постсовременность (postmodern/postmodernity), первое из которых обозначает эпоху, а второе — ее описательная категория. Следом Джеймисон заявил, что постмодерн все еще адекватно отображает свойства позднего капитализма, потому как с формально-исторической точки зрения социальная и экономическая обстановка остается прежней — изменилась лишь ее культурная симптоматика. Но это не совсем так. Уже Хардт и Негри показали, что часть устоявшихся трендов все же выпадает из поля зрения постмодерна, например, встраивание компьютерных технологий и информационных компонентов в экономические процессы. Да и сам культурный анализ требовал свежих интуиций.

Восполнить эти пробелы вызвались последователи Джеймисона. В силу ограничений, которые накладывает формат статьи, мы не можем уделить должное внимание концепциям всех социальных теоретиков, продолжающих траекторию постмодерна. Поэтому выделим из их числа несколько наиболее известных: клевый капитализм Джима Макгигана [McGuigan 2009], капиталистический реализм Марка Фишера [Фишер 2010], постпостмодернизм Джеффри Нилона [Nealon 2012], капитализм 24/7 Джонатана Крари [Crary 2013] и акселерационизм/посткапитализм Алекса Уильямса и Ника Срничека [2019]. И хотя некоторые из этих ученых изначально пытались вывести собственные темпоральные проекции капитализма, все они по итогу лишь упрочили здание постмодерна, заметно расширив область его применения.

Интенция Макгигана и Крари, к примеру, заключалась в том, чтобы не искать замену постмодерну, а добавить мощности его объяснительному арсеналу. Макгиган, сохраняя структуру периодизации Джеймисона, но несколько переиначивая ее детали, углубил понимание товарного фетишизма и коммодификации культуры, изменившихся под давлением англосаксонской контркультуры

и парадигмы технологических компаний. Тогда как Крари, целиком перенявший установки позднего капитализма, взялся объяснять то, как глобальный капитал манипулирует технологиями внимания и слежки, чтобы вынудить людей отказаться от сна — единственной зоны автономии, где они могут укрыться от круглосуточно функционирующей экономики.

Несколько противопоставить свою теоретическую схему постмодерну решили Фишер, Нилон и Срничек с Уильямсом. Первые двое поддерживали исходные положения Джеймисона, но подчеркивали, что к моменту написания их работ капитализм достиг апогея в своей эволюции, что ставит их перед необходимостью усилить критическую тональность постмодерна. Фишер преподнес свой капиталистический реализм как утвердившуюся бизнес-онтологию, поглотившую все сферы социальной действительности. Согласно культурологу, он лишил человечество альтернативного будущего, приговорив его к непреодолимым экологическим, психологическим и бюрократическим катастрофам.

В противовес этому Нилон настаивал на продолжающейся интенсификации позднего капитализма, из-за чего он оказывается уже своевременным капитализмом (just-in-time capitalism) и характеризуется ускорением процессов дерегулирования мировой финансовой системы и укрепления антисоциальной политики государства.

Загвоздка, однако, состоит в том, что и капиталистический реализм Фишера, и постпостмодернизм Нилона не могут избавиться от нависшей над ними тени постмодерна [Павлов 2019: 482; 495, 496]. Их концепции включают в себя все те же формальные черты: принцип множественности, политику идентичности, коммодификацию искусства модерна, проблематику вечного настоящего и ностальгии. Но вместо того чтобы переосмыслить их, теоретики всего-навсего примеряют их к сегодняшнему дню.

Несколько иначе дело обстоит у Срничека с Уильямсом [2018], которые в своих работах призывают превратить разрушительную инфраструктуру позднего капитализма в трамплин для прыжка в будущее всеобщего процветания. Начав составлять его когнитивную карту в книге «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда» [Уильямс, Срничек 2019], они выявляют несколько структурных проблем капитализма, грозящих миру массовой безработицей. А далее предлагают оппонировать сложившемуся неолиберальному порядку с помощью позитивного темпорального построения, воздвигнутого на идеях нового универсализма и всеобщей эмансипации через ускорение технологического развития. Уже это наводит на мысль, что Срничек и Уильямс во многом лишь воспроизводят теоретические ходы Манделя

и Джеймисона. Но вскоре Срничек [2019] берется самостоятельно изучать феномен цифровой экономики в книге «Капитализм платформ», упущенный постмодернизмом. Ученый распознает в социальных платформах ведущего агента капитала, подчиняющего своим целям все другие сектора экономики. Следом он делает вывод о капиталистической природе этих формирований, что позволяет ему отвергнуть спекуляции относительно наступления четвертой стадии капитализма, которыми злоупотребляют экономисты и теоретики либерального толка. Тем самым исследователь еще раз подчеркивает своевременность периодизации Манделя и Джеймисона, предлагая воспринимать свой анализ как ее часть.

Темпоральность капитализма после постмодерна

Рассмотренные выше языки описания капитализма, как мы установили, представили новые векторы, эмпирический материал и понятийную сетку для постмодерна, существенно усилив его объяснительный потенциал. Но среди теоретиков темпоральности капитализма было немало тех, кто стремился — явно или неявно — отклониться от курса Джеймисона. Прямую заявку на это сделали авторы концепций постпостмодернизма, откликнувшиеся на призыв литературоведа Линды Хатчеон сконструировать новый взгляд на нынешнее состояние общества и культуры. Отправной точкой для них, как и в случае с постмодерном Джеймисона, была трехступенчатая периодизация. Теоретики постпостмодерна в той или иной степени признавали ее состоятельность, но стремились преодолеть в ней постмодернистское звено, прописанное Джеймисоном. При этом большая часть авторов постпостмодернистских проектов не придала особого значения капитализму. Этого недостатка постарались избежать только разработчики гипермодернизма и метамодернизма.

Социальный философ Жиль Липовецкий [Lipovetsky 2005] предложил называть состояние сегодняшнего капитализма гипермодернизмом. Для этой альтернативы постмодерну характерны интенсификация либеральной экономики, культ консюмеризма и индивидуализма, жажда постоянного культурного обновления, а также трансформация пространственно-временного опыта, вызванная появлением мгновенных средств коммуникации. В более поздних работах Липовецкий [Lipovetsky 2018] дополняет свою рамку культурным измерением, заводя разговор о творческом капитализме, когда повседневность вступает в симбиотические отношения с искусством и бизнес-логикой. Но тем самым Липовецкий лишь повторяет ходы Джеймисона, в том числе проговаривая его из-

вестный тезис об исчезновении границы между высокой и низкой культурой. Окончательное же сходство двух концепций становится очевидным благодаря использованию Липовецким идей ностальгии и вечного настоящего в качестве опорных для своего проекта. Тогда как наиболее перспективный аспект гипермодернизма — тезис о темпоральном характере всех нынешних социальных антагонизмов — остался неразработанным.

Теоретики метамодернизма культурологи Тимотеус Вермюлен и Робин ван ден Аккер пошли гораздо дальше в стремлении списать со счетов постмодернистскую дескрипцию капитализма. Они признали существование постмодерна, но были убеждены в его недавнем завершении, заявив на основании этого о вступлении капитализма в четвертую стадию развития [Вермюлен, ван ден Аккер, Гиббонс 2020]. При ней появляется новая форма чувственности, стремящаяся разрешить конфликт между различными социокультурными явлениями модерна и постмодерна. В экономической плоскости почву для нее подготовил провал устремлений демократических режимов по улучшению условий жизни людей, а в экономической — финансовый кризис 2008 года. Однако вбросив утверждение о начале четвертой фазы капитализма, метамодернисты предпочли никак его не раскрывать. Суть капитализма теоретики редуцировали до размытого фона, на котором разворачивается спектакль общественных противоречий начала XXI столетия. Более того, Вермюлен и ван ден Аккер в точности воспроизвели методологические установки Джеймисона, воспользовавшегося концептом «структуры чувства» марксиста Рэймонда Уильямса, чтобы произвести слепок культурной логики позднего капитализма [Павлов 2018]. Но вместе с тем (намеренно или нет) игнорируют поздние работы Джеймисона о глобализации, хотя в них он как раз говорит о необходимости выработать плюралистическую картину мира, опирающуюся на универсалистские ценности, на чем настаивают метамодернисты в своих текстах. И что не менее важно, они, как и Джеймисон, предпочитают изучать капитализм через кинематограф, литературу и другие виды культуры. В результате метамодернизм оказывается не более чем культурным довеском к постмодерну.

Социальный теоретик Дэвид Хэнкок тоже исследовал капитализм через призму культуры. В своей трехступенчатой концепции «контркультурной логики неолиберализма» [Hancock 2019] он предложил интерпретировать каждый этап развития капитализма через сочетание актов трансгрессии и чувства гедонистического избытка, подрывающих сложившийся социальный порядок. На третьей стадии капитализм вобрал в себя постулаты классического либерализма XIX века; идею государства,

созидающего рынки pgn; а также контркультурную установку на свободу самовыражения и рациональный подход к накоплению капитала, сформулированные критиками модерна вроде философа Лео Штрауса и визионерами технологических компаний Кремниевой долины. Набор этих принципов помогал элитам легитимировать антисоциальные меры в момент и после финансового кризиса 2008 года. Позднее накопленная неприязнь к неолиберальной политике кристаллизовалась в двух ответах. Одним из них стало неореакционное движение в западных капиталистических странах, ярчайшие проявления которого — выход Великобритании из Евросоюза и избрание Дональда Трампа на пост президента США. А вторым — попытка восстановления социалистической повестки, построенная на тех же популистских основаниях, что и у идеологических оппонентов левых. При первом приближении может показаться, что Хэнкок полностью отклонился от курса Джеймисона. Но важно отметить, что он идет по стопам уже упомянутого культуролога Джима Макгигана, которого ранее мы отнесли к сторонникам теории постмодерна. Более того, третья стадия капитализма в интерпретации Хэнкока по всем формальным признакам совпадает с описанием Джеймисона, включая лишь рефлексию политических событий двух последних десятилетий.

Журналистку Наоми Кляйн тоже можно было бы считать одним из социальных теоретиков капитализма, которой удалось достичь теоретической самостоятельности, если бы ее работа чуть больше отвечала критериям научности и строгого теоретизирования. Отслеживая историю неолиберализации планеты, она выявила новый темпоральный режим «капитализма катастроф» [Кляйн 2007], когда силовые ведомства США превращают в бизнес гуманитарные миссии по восстановлению государств, столкнувшихся с серьезными потрясениями социального или природного характера. В своем проекте Кляйн отбрасывает в сторону культуру и общую матрицу экономики, оставляя ее без твердой периодизации. Но ее однократное использование термина постмодернизм дает нам зацепку, чтобы отнести капитализм катастроф к третьей фазе капитализма. Недостающие темпоральные звенья капитализма катастроф можно найти в концепции «капиталоцена», принадлежащей американскому социологу и географу Джейсону Муру [Moore 2016]. Ученый модифицирует сложившуюся в марксистском дискурсе периодизацию капитализма, делая ее исходной точкой XIII век. С того момента капиталисты стали подчинять себе все дешевые ресурсы природы: землю, животных, рабочую силу, энергоресурсы и т.д. Причем технологии были лишь медиаторами последующих социальный преобразований, а не их основными

агентами. Однако к 1980-м годам потенциал дешевых материалов исчерпался, приблизив мир к экологической катастрофе, вследствие чего капитализм начал движение к четвертой трансформации. В этом месте Мур как раз и открывает окно возможностей для Кляйн: когда капитализму больше нечего эксплуатировать, экономическую привлекательность обретает само разрушение вместе с последующими стратегиями восстановления. В связке капитализм катастроф и капиталоцен могли бы ударить по позициям темпоральной схемы Джеймисона. Но даже после обстоятельного анализа Мур не выявил фундаментальных изменений капитализма. Тем не менее Мур и Кляйн бросают серьезный вызов постмодерну, который оказался неоправданно равнодушен к проблемам экологии.

Идея коммуникативного капитализма философа Джоди Дин не имеет полновесной периодизации, но содержит весомый аргумент в пользу релевантности позднего капитализма. Первостепенное значение имеет то, что теоретическая рамка Дин оказывается связанной с постмодерном через категориальный аппарат Хардта и Негри [Dean 2004], которых, как мы отмечали ранее, вполне можно признать последователями Джеймисона. Более того, настаивая в одной из своих последних статей [Дин 2019] на рецидиве империалистических тенденций в период возвышения цифровых платформ, Дин практически солидаризуется с тезисами Манделя, который считал свой поздний капитализм продолжением империалистической фазы, некогда описанной Лениным. Джеймисон в свою очередь также признавал империализм актуальной тенденцией и предвосхищал то, что цифровое пространство может стать новым местом борьбы.

Посылка о диджитализации социальной жизни стала опорной и для социального психолога Шошаны Зубофф [Zuboff 2019], сформулировавшей концепцию «надзорного капитализма». Она в отличие от коммуникативного капитализма имеет собственную темпоральную структуру, выделяющую три модернистских этапа в становлении капитализма. В течение первых двух происходил расцвет общества потребления после реализации программы Генри Форда по увеличению зарплат рабочих и первые эксперименты по демократизации и индивидуализации потребительских практик в период информационной революции 1990-х годов, инициатором которых была компания Apple [Zuboff, Maxmin 2004]. Третий модерн начался с провалом этих экспериментов, в результате чего технологические корпорации сделали шаг в сторону рекламной бизнес-модели, повлекшей за собой далеко идущие последствия. Хотя надзорный капитализм не лишен исторического каркаса, он все же далек от того, чтобы учитывать

структурную сложность современного капитализма со всеми его социальными импликациями, на что указывает исследователь технологий Евгений Морозов [Morozov 2019]. В силу этого концептуализацию Зубофф стоит расценивать как дополнительный исследовательский вектор постмодерна, а не самостоятельный проект.

Журналист Пол Мейсон [2015] наряду с Алексом Уильямсом и Ником Срничеком был еще одним теоретиком, развивавшим проект посткапитализма. Как и Дин с Зубофф, в центр своей темпоральной схемы он помещает фактор технологий. Взяв за основу своей периодизации кондратьевские циклы длительностью в 50 лет, он рассказывает, как разгром рабочего движения в 1980-х годах прервал ход четвертой технологической революции. Но тяжело ударивший по массам кризис 2008 года вновь сподвиг людей задаться вопросом о социальной справедливости. Этому способствовал и кризис теории стоимости, который возник после того, как пользователи цифровых устройств обнаружили, что копирование интеллектуальной продукции почти не требует расходов. Причин для новых социальных противоречий, согласно выводам социального теоретика Йона-Арильда Йоханессена [Johanessen 2019], также разрабатывающего идею посткапитализма, оказалось более чем достаточно. Обострение неравенства по всему миру, угасание среднего класса в западных странах и ослабление демократических институтов грозят человечеству возобновлением феодализма. В этих обстоятельствах общество нуждается в синтезе всех позитивных черт бинарных пар капитализма/социализма и модернизма/постмодернизма, настаивает философ Рафаэль Сассоуер [Sassower 2013], еще один теоретик посткапитализма. Но вопреки желанию Мейсона дистанцироваться от концептуальных разработок Джеймисона (хотя и через исходные положения Манделя) Сассоуер отчетливо демонстрирует, что осуществление посткапиталистического проекта немыслимо в отрыве от конститутивных принципов постмодерна.

Заключение

Сопоставление идеи постмодерна Джеймисона с новыми социальными теориями капитализма, а также прочерчивание связей между ними позволило нам показать саму возможность единого подхода к темпоральному анализу капитализма. Кроме того, рассмотрев более десятка способов описания современного капитализма, мы можем сделать вывод, что концепция постмодерна является наиболее пригодной для осмысления нашей исторической ситуации на основе динамики развития капитализма.

Недавно появившиеся темпорализации капитализма, как мы видели, не создают принципиально иной оптики, а сохраняют методологическую и понятийную связь с проектом Джеймисона. Во многих теоретических конструкциях мы видим работу авторов с собственными идеями Джеймисона или усовершенствованными философом понятиями: структурой чувства, децентрацией, вечным настоящим, ностальгией, слиянием различных сфер социальной жизни (особенно культуры и экономики) и т.д. О том, что новые темпоральные проекты совпадают с постмодернизмом Джеймисона говорят и структурные признаки, помещенные в центр каждой концепции: продолжение процессов глобализации, информатизации, монополизации и прекаризации; мягкое регулирование финансового сектора; взаимовлияние культуры и экономики; увядание демократических институтов; фетишизация товаров и медиумов; интенсификация политики идентичности и т.д.

Но куда больший вес нашему утверждению придает прямое или косвенное согласие исследователей в том, что капитализм по-прежнему находится на третьей, как еще назвал бы ее Джеймисон, — мультинациональной стадии развития. Каждый теоретик либо воспроизводит триадичную конфигурацию капитализма, либо имплицитно соглашается с ней, прорабатывая в своих трудах только последнюю фазу. Среди тех, кого нельзя назвать однозначными последователями философа, мы обнаружили только одно предположение о начале четвертой трансформации капитализма. Его выдвинули авторы концепции метамодернизма, не пожелавшие тем не менее дать характеристику следующей фазы капитализма. Особый интерес вызывает концепция капиталоцена, но здесь достаточно заметить, что по мере расходования дешевых природных ресурсов капитализм лишь приближается к четвертому этапу, а не уже находится в нем. Все это дает нам право считать проанализированные социальные теории капитализма дополнительными векторами концепции постмодернизма, а не попытками его преодоления.

Итак, что добавляют новые социальные теории капитализма к категориальному аппарату постмодерна? Сперва выделим наработки лояльных постмодерну авторов. «Клевый капитализм» расширяет наше понимание того, как культура способствует коммодификации различных уровней повседневности, а контркультура успешно апроприируется действующими лицами капитала. «Капиталистический реализм» усиливает тезис Джеймисона о вечном настоящем, дополняя его рассуждениями об актуальных экологических, психологических и бюрократических проблемах. Постпостмодернизм делает акцент на интенсификации

политики дерегулирования, а также расширяет значение понятия ностальгии. Капитализм 24/7 демонстрирует, как с помощью технологий управления и слежки глобальный капитал колонизирует людей на внутреннем уровне, принуждая их отказаться от сна — одного из последних рубежей человеческого опыта, не захваченных экономическими принципами. Посткапитализм помогает нам распознать в цифровых платформах ведущего агента капитала. Их природа, несмотря на цифровую оболочку, остается глубоко капиталистической, поскольку платформы паразитируют на мощностях других секторов экономики. Это позволяет отвергнуть спекуляции относительно начала четвертой трансформации капитализма.

Теперь зафиксируем какой вклад в постмодерн могут внести конкурировавшие с постмодерном социальные теории капитализма. Гипермодернизм нюансирует наше понимание консьюмеризма и связанной с ним психопатологии, а также говорит о метаморфозах пространственно-временного опыта людей, в результате чего все антагонизмы между ними приобретают темпоральный характер. Метамодернизм углубляет понимание постмодернистской чувственности, артикулируя конфликт между различными явлениями модерна и постмодерна в массовой культуре, а также предлагает новый инструментарий и эмпирический материал для культурных исследований. Капитализм катастроф и капиталоцен заделывают экологическую брешь в здании постмодерна, который оказался невнимательным к проблемам окружающей среды. Эти концепции показывают, как природа организуется для удовлетворения потребностей капитала, а вызванные им экологические и социальные разрушения становятся источником генерации прибыли во время ликвидации последствий. Коммуникативный капитализм помогает нам отследить, как интернет подрывает демократические идеалы участия и диалога, подменяя их экономической логикой. Надзорный капитализм открывает перспективу на то, как ускорение диджитализации обуславливается стремлением технологических гигантов получить полный контроль над желаниями потребителей, лишая их возможности проектировать собственное будущее. Контркультурная логика капитализма объясняет, как развитие капитализма связано с последовательностью актов трансгрессии и ощущением гедонистического избытка, и как властные группы используют контркультуру и критику статус-кво для удержания господства. Эта концепция также обогащает нарратив Джеймисона рефлексией крупнейших социально-политических конфликтов последних лет.

Но что выпадает из поля зрения постмодернизма/позднего капитализма, даже если усилить его всеми новыми концепциями?

Все еще слабой стороной этой объяснительной рамки остается экологическая проблематика. Тропы Джейсона Мура и Наоми Кляйн делают большой вклад в это направление, но затрагивают далеко не все стороны воздействия товарного производства и рыночных отношений на природу. Помимо этого постмодерн, как и прежде, позволяет увидеть только часть экономических тенденций. Например, он не проясняет глубину процесса финансиализации нашей жизни, хотя для людей стало нормальным покупать в кредит любые товары, в том числе продукты питания [Lazzarato 2012; Гребер 2014]. Расширения требует и описание цифрового сегмента капитализма. Изучение архитектуры и принципов работы платформ, безусловно, один из приоритетных доменов его анализа. Но можно ли ограничиться только им в момент, когда диджитализации подвергаются буквально все сферы производства и потребления, особенно труд?

Немаловажно и то, что у постмодерна отсутствует чуткость к социокультурным тенденциям цифрового мира. Согласно теоретику медиа Герту Ловинку, онлайн платформам за считанные годы удалось создать пространство новой идеологии. Причем насыщением этого пространства занимается уже не столько государство, сколько многочисленные агенты капитала. Поэтому акцент в исследовании образовавшейся идеологической среды должен быть сделан на том, как хаос различных дискурсов — гендерный или геополитический — упорядочивает экономическая логика, через которую прореживаются ценности венчурного капитала и стартап-культуры, набирающие все большую популярность [Ловинк 2019: 51-58]. Наконец, за пределами интересов исследователей темпоральности капитализма оказывается множество других социальных сфер: гендерная проблематика, религия, образование, урбанистика и т.д.

Первоначальная интенция Джеймисона состояла в том, чтобы составить когнитивную карту капитализма, отразив в ней структурные изменения последнего времени. Но к сегодняшнему дню фактура общественной жизни стала гораздо более сложной. Исходная дескриптивная сила постмодерна была недостаточной, но ее объяснительный ресурс оказалось возможным нарастить коллективными усилиями. Найдя каркас для новых темпоральных зарисовок капитализма в периодизации Джеймисона, мы постарались доказать, что понимание нашей эпохи через постмодернизм/поздний капитализм не только возможно, но и оправдано, поскольку ему удается «схватить» многоуровневое переплетение экономических, культурных, социальных и технологических процессов. Капитализм в этой перспективе предстает не ригидным термином, проясняющим лишь эконо-

мические стороны современности, а становится динамической категорией, схватывающей пускай и не все, но большинство измерений социального мира. Разумеется, чтобы добиться максимального успеха в тотализации капитализма, нам необходим нюансированный взгляд на все феномены, выявленные старыми и новыми социальными теориями. Но такого рода детализация, равно как и оценка релевантности необходимых для этого понятий, — задача последующих теоретических поисков, отправной точкой для которых может служить представленный в этой статье темпоральный проект.

Библиография / References

Александер Дж. (2013) *Смыслы социальной жизни: культурсоциология,* М.: Праксис.

— Alexander J. (2003) *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*, Moscow: Praxis. — in Russ.

Андерсон П. (2011) *Истоки постмодерна*, М.: Территория будущего.

— Anderson P. (2011) *The Origins of Postmodernity*, Moscow: Territory of Future. — in Russ.

Арон Р. (1993) *Этапы развития социологической мысли*, М: Прогресс — Политика.

— Aron R. (1993) *Main Currents in Sociological Thought*, Moscow: Progress — Politics. — in Russ.

Арриги Д. (2006) *Долгий двадцатый век*, М.: Территория будущего.

— Arrighi G. (2006) *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Time,* Moscow: Territory of Future. — in Russ.

Бауман З. (2008) *Текучая современность,* СПб.: Питер.

— Bauman Z. (2008) *Liquid Modenity,* Saint Petersburg: Piter. — in Russ.

Бек У. (2000) *Общество риска: на пути к другому модерну*, М.: Прогресс-Традиция.

— Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity,* Moscow: Progress-Tradition. — in Russ.

Белл Д. (2004) *Грядущее постиндустриальное общество*, М.: Academia.

Bell D. (2004) *The Coming of Post-Industrial Society*, M.: Academia. — in Russ.

Бодрийяр Ж. (2000) *В тени молчаливого большинства, или конец социального,* Екатеринбург: Уральский университет.

— Baudrillard J. (2000) *In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social*, Yekaterinburg: Ural University Publishing House. — in Russ.

Вермюлен Т., ван ден Аккер Р., Гиббонс Э. (2020) *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма*, М.: РИПОЛ-классик.

— Vermeulen T., Akker R. van den, Gibbons A. (2020) *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*, Moscow: RIPOL Classic. — in Russ.

Гидденс Э. (2011) *Последствия современности*, М.: Праксис.

— Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*, Moscow: Praxis. — in Russ.

Гребер Д. (2014) *Долг: первые 5000 лет истории*, М.: Ad Marginem Press.

— Graeber D. (2014) *Debt: The First 5000 Years*, Moscow: Ad Marginem Press. — in Russ.

Джеймисон Ф. (2019) *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*, М.: Институт Гайдара.

— Jameson F. (2019) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*, Moscow: The Gaidar Institute›s Publishing House. — in Russ.

Дин Д. (2019) Коммунизм или неофеодализм? *Логос,* 29 (6): 85-116.

— Dean J. (2019) Communism or Neofeudalism? *Logos*, 29 (6): 85-116. — in Russ.

Зомбарт В. (2005) *Избранные работы*, М.: Территория будущего.

— Zombart W. (2005) *The Essential Works*, Moscow: Territory of Future. — in Russ.

Кляйн Н. (2007) *Доктрина шока: Становление капитализма катастроф*, М.: Добрая книга.

— Klein N. (2007) *The Shock Doctrine*, Moscow: The Kind Book. — in Russ.

Ленин В.И. (1969) Империализм, как высшая стадия капитализма. Т. 27. *Полное собрание сочинений в 55 т.,* М.: Государственное издательство политической литературы.

— Lenin V.I. (1969) Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. *Complete works in 55 volumes,* Moscow: The State Publishing House of Political Literature. — in Russ.

Ловинк Г. (2019) *Критическая теория интернета*, М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж».

— Loving G. (2019) *Critical Theory of Internet*, Moscow: Ad Marginem Press; Garage Museum of Contemporary Art. — in Russ.

Павлов А.В. (2018) Социальная теория: постмодернистский поворот — модернистский разворот. *Общественные науки и современность*, 5: 158-170.

— Pavlov A.V. (2018) Social Theory: Postmodern Turn — and Modernist Turn Out. *Social Sciences and Contemporary World*, 5: 158-170. — in Russ.

Павлов А.В. (2018) Образы современности в XXI веке: метамодернизм. *Логос*,28 (6): 1-19.

— Pavlov A.V. (2018) Images of Modernity in The Twenty-First Century: Metamodernism. *Logos*, 28 (6): 1-19. — in Russ.

Павлов А.В. (2019) *Постпостмодернизм: Как социальная и культурная теории объясняют наше время*, М.: ИД «Дело» РАНХиГС.

— Pavlov A.V. (2019) *Postpostmodernism: How Social and Cultural Theories Explain Our Time*, Moscow: Delo Publishing House. — in Russ.

Срничек Н. (2019) *Капитализм платформ*, М.: ИД ВШЭ.

— Srnicek N. (2019) *Platform Capitalism*, Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. — in Russ.

Срничек Н., Уильямс А. (2019) *Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда*, М.: Strelka Press.

— Srnicek N., Williams A. (2019) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*, Moscow: Strelka Press. — in Russ.

Терборн Й. (2015) *Мир: Руководство для начинающих*, М.: ИД ВШЭ.

— Therborn G. (2015) *The World: A Beginner's Guide*, Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. — in Russ.

Терборн Й. (2021) *От марксизма к постмарксизму?* М.: ИД ВШЭ.

— Therborn G. (2021) *From Marxism to Postmarxism?* Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. — in Russ.

Фишер М. (2010) *Капиталистический реализм*, М.: Ультракультура 2.0.

— Fisher M. (2010) *Capitalism Realism*, Moscow: Ultraculture 2.0. — in Russ.

Хардт М., Негри А. (2004) *Империя*, М.: Праксис.

— Hardt M., Negri A. (2004) *Empire*, Moscow: Praxis. — in Russ.

Хобсбаум Э. (1999) *Век капитала*, Ростов-на-Дону: Феникс.

— Hobsbawm E. (1999) *The Age of Capital*, Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House.

Adorno T. (1968) Late Capitalism or Industrial Society? *Opening Address to the 16th German Sociological Congress*. (https://www.marxists.org/reference/archive/adorno/1968/late-capitalism.htm) Bell D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society*, New York: Basic Books.

Bell D. (1976) *The Cultural Contradictions of Capitalism*, New York: Basic Books.

Callinicos A. (1990) *Against Postmodernism: A Marxist Critique*, New York: St. Martin's Press.

Crary J. (2013) *24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep*, London; New York: Verso.

Dean J. (2004) The Networked Empire: Communicative Capitalism and the Hope for Politics. *Empire's New Clothes: Reading Hardt and Negri*, New York: Routledge.

Dean J. (2005) Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics. *Cultural Politics*, 1 (1).

Flisfeder M. (2017) *Postmodern Theory and Blade Runner*, London; New York: Bloomsbury Academic.

Hancock D. (2019) *The Countercultural Logic of Neoliberalism*, London; New York: Routledge.

Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Oxford: Blackwell.

Hutcheon L. (2002) *The Politics of Postmodernism*, New York; London: Routledge.

Hutcheon L. (2007) Gone Forever, But Here to Stay: The Legacy of the Postmodern. *Postmodernism: What Moment?* Manchester: Manchester University Press.

Jameson F. (1998) *The Cultural Turn Selected Writings on the Postmodern 1983-1998*, London; New York: Verso.

Jameson F., Miyoshi M. (1998) *The Cultures of Globalization*, Durham; London: Duke University Press.

Jameson F. (2000) Globalization and Political Strategy. *New Left Review*, 4.

Jameson F. (2002) *A Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present*, London: Verso.

Jameson F. (2012) Aesthetics of Singularity. Time and Event in Postmodernity. *Georg Forster Lecture.* (https://www.youtube.com/watch?v=qh79_zwNI_s) Johanessen J. (2019) *Automation, Capitalism and the End of the Middle Class*, New York: Routledge.

Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organized Capitalism,* Cambridge, Oxford: Polity Press and Blackwell.

Lash S., Urry J. (1994) *Economies of Signs and Space*, Los Angeles; London; New Delhi; Singapore: Sage Publications.

Lipovetsky G. (2005) *Time in Conflict, and Chrono-reflexivity in Hypermodern Times*, Cambridge: Polity.

Lipovetsky G. (2018) On Artistic Capitalism. *Crash Magazin*e, 5. (http://www.crash.fr/on-artistic-capitalism-by-gilles-lipovetsky-crash-65)

Mandel E. (1976) *Late Capitalism*, London: Verso.

Moore J. (2016) The Rise of Cheap Nature. *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*, Oakland: PM Press.

Morozov E. (2019) Capitalism's New Clothes. *The Baffler.* (https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov)

McGuigan J. (2009) *Cool Capitalism*, London; New York: Pluto Press.

McHale B. (2015) *The Cambridge Introduction to Postmodernism,* Cambridge: Cambridge University Press.

Nealon J. (2012) *Post-postmodernism, or The Logic of Just-in-time Capitalism*, Stanford: Stanford University Press.

Sassower R. (2013) *Digital Exposure: Postmodern Postcapitalism*, Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave Macmillan UK.

Touraine A. (2007) *A New Paradigm for Understanding Today's World*, Cambridge: Polity.

Wegner P. (2006) Periodizing Jameson, or, Notes toward a Cultural Logic of Globalization. *On Jameson: From Postmodernism to Globalization*, New York: State University of New York Press.

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism*, New York: PublicAffairs.

Рекомендация для цитирования:

Мазоренко Д.А. (2021) Своевременность позднего капитализма: почему постмодернизм остается главным языком описания нашей эпохи? *Социология власти*, 33 (1): 11-38.

For citations:

Mazorenko D.A. (2021) Just-in-time Late Capitalism: Why Does Postmodernism Still Remain a Sociocultural Dominant of Our Time? *Sociology of Power*, 33 (1): 11-38.

Поступила в редакцию: 05.01.2021; принята в печать: 22.02.2021

Received: 05.01.2021; Accepted for publication: 22.02.2021